

Ayn Rand

JENNIFER BURNS

GODDESS OF THE MARKET
AYN RAND AND THE AMERICAN RIGHT

ДЖЕННИФЕР БЕРНС

АЙН РЭНД
ЭГОИЗМ ДЛЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

БОМБОРА™

Москва 2020

УДК 1(092)(73)
ББК 87.3(7Сое)
Б51

Jennifer Burns
Goddess of the Market: Ayn Rand and the American Right

Copyright 2009 by Oxford University Press, Inc.

Goddess Of The Market: Ayn Rand And The American Right was originally published in English in 2009. This translation is published by arrangement with Oxford University Press. Eksmo is solely responsible for this translation from the original work and Oxford University Press shall have no liability for any errors, omissions or inaccuracies or ambiguities in such translation or for any losses caused by reliance thereon.

«Айн Рэнд. Эгоизм для победителей» первоначально была опубликована на английском языке в 2009 году. Данный перевод публикуется по договоренности с издательством Oxford University Press. «Эксмо» несет полную ответственность за перевод, Oxford University Press не несет никакой ответственности за ошибки, упущения, неточности или неясности в переводе или за убытки, которые могут быть причинены в результате допущенных ошибок.

Бернс, Дженнифер.

Б51 Айн Рэнд. Эгоизм для победителей / Дженнифер Бернс ; [перевод с английского Е. Жданова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 336 с. — (Подарочные издания. БИЗНЕС).

ISBN 978-5-04-109540-6

Биография, написанная первым независимым историком, допущенным к архиву Айн Рэнд.

Писатель, философ, она завоевала бесконечную преданность читателей тем, что проповедовала веру в человека. Именно ей мы обязаны мыслью, что бизнес — благородное призвание, способное задействовать самые потаенные способности человеческого духа.

УДК 1(092)(73)
ББК 87.3(7Сое)

ISBN 978-5-04-109540-6

© Жданов Е., перевод, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается моему отцу

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего все обращали внимание на её глаза. Тёмные, широко расставленные, они выделялись на её плоском квадратном лице. Её «яркий взгляд мог бы высушить кактус», — писали в Newsweek, но для поклонников Айн Рэнд её глаза источали ясность, пронизательность и глубокомыслие. «Когда она смотрела мне в глаза, она будто смотрела мне в душу, видела меня насквозь», — вспоминал один знакомый. У её читателей возникало такое же ощущение. Слова Рэнд могли проникнуть прямо в душу, растормошить потайные уголки сознания и скрытые мечты. Один магистрант факультета психологии сказал ей: «Твои книги сильно повлияли на мою жизнь. Я будто заново родился... Что поражает больше всего, так это то, что я не помню, чтобы когда-либо читал книгу от корки до корки. Теперь всё по-другому. Я читаю всегда. Кажется, что не могу не поглощать знания». Иногда Рэнд провоцировала обратную реакцию. Теоретик либертарианства Рой Чайлдс настолько возмутился атеизмом «Источника», что, прочитав книгу, сжёг её. Вскоре Чайлдс изменил своё мнение, всерьёз взявшись за изучение её трудов и став одним из важнейших её критиков. Её работы отправили его, как и многих других, в путешествие интеллекта длиной в жизнь¹.

Хотя Рэнд прославляла жизнь разума, её наиболее жёсткими критиками были учёные, члены того же социального класса, к которому она причисляла себя. Рэнд была излюбленной мишенью выдающихся писателей и критиков как левого, так и правого крыла, она попадала под огонь Сидни Хука, Уиттекера Чемберса, Сюзан Браунмиллер и Уильяма Ф. Бакли-мл. Она отвечала тем же, называя своих коллег-учёных «напуганными зомби» и «шаманами»². Она верила в то, что идеи — единственное, что по-настоящему важно как для жизни человека, так и для истории. «Каковы исходные данные?» — это был её любимый вопрос, когда она сталкивалась с чем-то новым.

Сегодня, спустя более 20 лет со дня её смерти, образ Рэнд всё ещё окутан противоречиями и легендами. Продажи её книг бьют рекорды. Только за 2008 г. общие продажи «Атланта», «Источника», «Мы, живые» и «Гимна» составили 800 тыс. экземпляров, что невероятно для книг, опубликованных более 50 лет назад³. Множество общественных организаций продвигает её работы. Также ходят слухи о съёмках фильма по мотивам «Атлант расправил плечи». Блогосфера бурлит ожесточёнными спорами о её романах и философии. Во многом фигура Рэнд присутствует в американской культуре сейчас более явно, чем при жизни.

Из-за этой самой долговечности Рэнд отделилась от своего исторического контекста. Наряду со своими наиболее яркими фанатами она считала себя гением, превосшедшим время. Как и её творение по имени Говард Рорк, Рэнд полагала: «Я ничего не наследую. За мной нет традиции. Возможно, я стою в её начале». Она вывела грандиозную формулу для объективизма, своей полностью интегрированной философской системы, сказав журналисту Майку Уоллесу: «Если кто-то сможет найти рациональный просчёт в моей философии, я буду рада признать этого человека и поучиться у него». До того Рэнд считала себя «самым креативным мыслителем из ныне живущих»⁴. Единственным философом, влияние которого она признавала, был Аристотель. За исключением его работ, Рэнд утверждала, что на ней никак не сказались внешние влияния или идеи. По словам Рэнд и её современных последователей, объективизм, как Афина, в уже сформированном виде вышел из головы своего создателя.

Критика Рэнд едва ли способствовала избавлению от такого впечатления. Из-за бескомпромиссности её политических взглядов почти все литературные критики сошлись на том, что она — плохой писатель, лишь несколько несогласных с ними, не являющихся сторонниками объективизма, восприняли Рэнд всерьёз. В отличие от других романистов, до недавнего времени никто не составлял биографии Рэнд. Вместо этого о её жизни и работе рассказывали её друзья, враги и ученики. Несмотря на то что она подчёркивала важность интегрирования, большинство опубликованных книг о Рэнд были собраниями сочинений, нежели объёмными работами, в которых развивалась цельная интерпретация важности её трудов.

Эта книга посвящена жизни Рэнд в беспокойное время в Америке. Отстаивание идей индивидуализма, прославление капитализма и противоречивую мораль эгоизма можно понять только в контексте исторического периода, в котором она жила. Всё это являлось следствием её ранней жизни в коммунистической России, что сильно отразилось в её послании. В своих работах Рэнд рассуждала о классической человеческой проблеме — безрезультатности благих намерений. Её обвинительный акт альтруизму, социальной помощи и услужению окружающим основывался на убеждённости в том, что все эти идеи являются фундаментальными для коммунизма, нацизма и войн, обрушившихся на XX в. Что характерно, решение, предложенное Рэнд, было также крайностью: устранить все добродетели, которые только могут способствовать развитию тоталитаризма. Оно было также тривиальным. Если великая сила Рэнд как философа была в захвате взаимосвязанных базовых принципов и вплетении их в непроницаемую логическую доктрину, она же была её великой слабостью. В поисках общей причины всех невзгод и кровопролития XX в. Рэнд пыталась совершить невозможное. Но именно эти самоотверженные поиски вдохнули жизнь в её писательскую деятельность. Рэнд была одной из первых, кто выявил проблему зачастую наводящей ужас власти государства, и подняла эту проблему на общественный уровень.

Она также была одной из первых американских писательниц, кто чествовал созидательную способность капитализма и подчёркивал экономическую ценность независимого мышления. Во времена, когда выдающиеся учёные полагали, что крупные

корпорации продолжают доминировать в экономике, превращая своих сотрудников в бездушных функционеров, Рэнд придерживалась видения развития независимого предпринимательства. Хотя поначалу казалось, что её видение анахронично, вскоре оно отразилось на работниках интеллектуального труда в условиях новой экономики, которые стали воспринимать себя операторами стратегического развития в условиях постоянно меняющихся экономических условий. Рэнд завоевала бесконечную преданность сторонников капитализма от мала до велика благодаря тому, что считала бизнес благородным призванием, способным задействовать самые потаённые способности человеческого духа.

В то же время Рэнд популяризировала крайне отрицательный образ деятельности государства. В её трудах государство всегда играет роль разрушителя, действующего с целью привести людей в смятение и убить в них естественную изобретательность и стремление к чему-либо. Именно такой контраст света и тьмы (исполненные добродетелью люди, борющиеся с озлобленным государством) делает её труды настолько убедительными для одних и одиозными для других. Хотя американцы обращались к правительству за помощью, поддержкой и устранением несправедливости в течение XX в. намного чаще, чем когда-либо, они делали это, испытывая сомнения, страх и опасение, и всё это Рэнд уместила в своих произведениях. Её труды вновь выразили традиционную американскую подозрительность к централизованной власти и смогли вдохновить множество интеллектуалов усомниться в либеральном социальном государстве, а также провозгласить желательность свободных рынков.

«Богиня рынка» посвящена идеям Рэнд как политического философа, ибо именно на эту сферу она оказала наибольшее влияние. Романтический реализм Рэнд не изменил американскую литературу, как и объективизм, не проникший в глубь философской профессии. Она тем не менее остаётся важной фигурой для американских правых. Молодые консерваторы по-прежнему с жадностью поглощают идеи из «Атланта», его цитируют политики и рекламируют корпоративные магнаты. Все критики, пренебрежительно отзывающиеся о Рэнд как об узкомыслящем философе, послания которого находят отклик лишь среди подростков, как один, полностью упускают её важность. На протяжении более полувека Рэнд была «стартовым наркотиком» для жизни на правом крыле.

История Айн Рэнд это также история либертарианства, консерватизма и объективизма — трёх философских течений, нашедших наиболее явный отклик в её жизни. Эти понятия не имеют чёткого определения, а также не являются взаимоисключающими, а их определения подвергались значительным изменениям в течение периода времени, о котором пойдёт речь в этой книге. Я буду называть Рэнд или её поклонников либертарианцами, консерваторами или объективистами, это зависит от контекста, а введение мной взаимозаменяемости этих понятий не служит цели устранить различия в них. Рэнд ревностно защищала слово «объективист» при жизни, но я буду использовать этот термин бессистемно, чтобы объединить всех, кто признавал важность влияния Рэнд на их философию.

Мне посчастливилось начать работу над этим проектом при двух радостных обстоятельствах: открытии доступа к личным документам Рэнд и начале волны изучения

американского правого крыла. Личные документы Рэнд помогли мне пробраться сквозь большое количество предубеждений и противоречивых мнений о её жизни и создать более сбалансированный образ Рэнд как философа и человека. С помощью доступных материалов я вернулась к вопросу о ключевых эпизодах драматичной жизни Рэнд, в том числе к ранним годам жизни в России и тайной любовной связи с одним молодым человеком, сформировавшей её карьеру во взрослой жизни. Меня больше заботит анализ, чем суждения, а это Рэнд точно стала бы порицать. Несмотря на предоставленный мне Институтом Айн Рэнд полный доступ к её документам, я не являюсь сторонницей объективизма и никогда не была связана ни с одной группой людей, изучавшей труды Рэнд. На самом деле к её работе я отношусь как исследователь и критик американского правого крыла.

Новые исторические исследования помогли мне в позиционировании Рэнд в рамках широких интеллектуальных и политических движений, трансформировавших Америку со времён «Нового курса». Рэнд, которая одновременно была романистом и философом, моралистом и политическим теоретиком, критиком и идеологом, трудно отнести к какой-то одной категории. Она писала романы, пьесы, сценарии, рецензии, философские эссе, политические трактаты и комментарии к текущим событиям. Почти всё, что она писала, не было популярным. Когда творцы ценили реализм и модернизм, она пропагандировала романтизм. Неумолимо сопротивляясь прагматизму, экзистенциализму и фрейдистской психологии, она продвигала объективизм, абсолютистскую философскую систему, в основе которой лежит идея о главенстве разума, и существование познаваемой, объективной реальности. Хотя и немодную Рэнд не обошли вниманием традиции и сообщество. В противовес одиноким гениям она была серьёзно вовлечена в философские процессы, окружена многочисленными друзьями и врагами, была всегда готова прокомментировать или осудить те или иные события, происходившие вокруг неё.

Цель этой книги — найти скрытую Рэнд, ту, личность которой сложнее и противоречивее, чем её публичная персона. Хотя она проповедовала свободный от оков индивидуализм, история, которую я поведаю, это история о Рэнд и её отношениях как со значимыми для её жизни людьми, так и с миром в целом, казавшимся ей то неуклонно враждебным, то скрывающим в себе бесконечное множество возможностей. Такой подход помогает сочетать противоречия, докучавшие Рэнд в жизни и работе. Самое очевидное противоречие лежит на поверхности: Рэнд была философом-рационалистом, писавшим романтические произведения. При всей её любви к рассудку Рэнд была женщиной, подверженной сильным, поглощающим эмоциям. Её романы потворствовали её желанию приключений, красоты и восторга, в то время как объективизм помогал ей формировать жизненный опыт, овладевать им и рассказывать о нём. Двойная карьера в качестве романистки и философа помогала Рэнд выразить свою глубинную потребность в контроле и истинную веру в индивидуализм и независимость.

Несмотря на интерес к текущим событиям, который она проявляла на протяжении всей жизни, эскапистское удовольствие от вымысла изо всей силы тянуло её за

края разума. Когда она перестала писать романы, то продолжила жить в созданных ею воображаемых мирах, считая своих персонажей настолько же реальными и важными, насколько и людей, с которыми она проводила каждый день. Со временем она начала ещё больше погружаться в свою вселенную, где к ней присоединилось множество близких людей, признавших её своим избранным лидером. Поначалу этот закрытый мир был для Рэнд убежищем, необходимым ей, когда критики разносили её работы, часто были несправедливо грубы и переходили на личности. Но объективизм как философия не оставил места для развития, дополнений или интерпретации, а как социальный мир исключал рост, перемены или движение вперёд. Как и предвидела молодая Рэнд, система, сильно угнетающая индивидуальное разнообразие, не может долго процветать. Женщина, пытавшаяся воспитать себя исключительно на идеях, она жила и умерла в соответствии с динамикой собственной философии. Столкновение её романтической и рациональной сторон — это не история триумфа, а история своего рода трагедии.



Алиса Розенбаум. Ленинград, Россия, 1925 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ АЙН РЭНД, 1905—1943

ИЗ РОССИИ К РУЗВЕЛЬТУ

Одним зимним днём 1918 г. бойцы Красной гвардии постучались в дверь аптеки Зиновия Розенбаума. Гвардейцы принесли с собой государственную печать, которую они прибили к двери, что означало конфискацию во имя народа. Зиновий по крайней мере мог благодарить безумный вихрь революции за то, что она отняла у него только его собственность, а не жизнь. Но старшая дочь Алиса, которой на тот момент было 12, сгорала от негодования. Лавка принадлежала её отцу; он в ней работал, долгое время учился в университете, давал клиентам важные советы и лекарства. И теперь в одно мгновение её больше нет, отняли в угоду каким-то неизвестным, безликим крестьянам, чужакам, которые не смогли предложить её отцу ничего взамен. Солдаты пришли в сапогах, с оружием, давая понять, что сопротивление будет означать смерть. Но тем не менее они говорили о честности и равенстве. Их целью было построить лучшее общество для всех. Наблюдая, слушая, впитывая, Алиса перестала сомневаться в одном: тем, кто поощряет такие высокопарные идеалы, нельзя доверять. Слова о помощи окружающим были лишь ширмой их силы и власти. Этот урок она не забудет никогда.

Отец Айн Рэнд, Зиновий Розенбаум, был человеком, который «сделал себя сам». Свой путь он начал в желанном Варшавском университете — привилегированном месте, где вместе с ним учились ещё несколько евреев. После получения степени доктора химических наук он открыл своё дело в Санкт-Петербурге. К моменту Февральской революции он с семьёй успел обосноваться в уютной большой квартире на Невском проспекте, знаменитом месте в самом центре города. Его образованная и интеллигентная жена Анна была родом из зажиточной и влиятельной семьи. Её отец был искусным портным, которого жаловали в Русской императорской армии, что помогало защищать их большую семью от антисемитского насилия.

Анна и Зиновий считали европейскую культуру эпохи Просвещения важнее своего религиозного воспитания. Они соблюдали основные еврейские праздники, устраивали Седер Песах каждый год, но в остальном по большей части вели светский образ жизни. Дома они разговаривали на русском, а три их дочери брали частные уроки по французскому, немецкому, а также занимались гимнастикой и игрой на пианино. Своей старшей дочери Алисе, родившейся в 1905 г., они говорили, что «культура, цивилизованность и всё, что в мире есть интересного... находится за границей», и не позволяли ей читать русскую литературу¹.